

DOI: 10.15372/HSS20210208

УДК 94:334.73+930(47)"1900/1917"

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

## КООПЕРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЧАЛА XX в.: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье представлена научная инвентаризация основных методологических подходов к изучению кооперации как многогранного, универсального исторического и социокультурного явления. Рассмотрены традиции определения сущности кооперативных форм социально-экономической деятельности в рамках формационной, модернизационной и цивилизационной парадигм, начиная с марксовской теории «отчуждения». Сделаны выводы о том, что перспективы изучения кооперации связаны с интерпретацией ее сущности и накопленного опыта в контексте представлений о диффузии экзоинноваций в ходе модернизации, акторного подхода, концепта «гражданское общество». Показано, что такие представления позволяют «вписывать» историю кооперативного движения в сложные условия модернизационного процесса.

*Ключевые слова:* кооперация, кооперативное движение, гражданское общество, акторный подход, диффузионизм, модернизация, методология.

G.M. ZAPOROZHCHENKO

## COOPERATION UNDER CONDITIONS OF THE RUSSIAN MODERNIZATION IN THE EARLY XX CENTURY: NEW RESEARCH APPROACHES

Institute of History SB RAS,  
8, Ak. Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to identify methodological foundations for studying cooperative forms of the socio-economic activity. Since the late 1980s, new and deeper approaches have been formed, and the cooperative theme has been integrated into the context of more general problems of the Russian history – modernization, alternative ways of socio-economic development, and the Russian mentality specifics. The author considers the traditions of defining the essence of cooperation in frames of formation, modernization, and civilizational paradigms. Activating the civilizational approach since the second half of the XIX century has advanced studying socio-cultural factors that contributed to the social capital accumulation and promoted association. Viewed from this perspective, cooperation appears as a «goal-rational» type of a social action, which results in forming social ties between individuals, creating associations and stable social institutions. For the traditional Russian society, where the «value-oriented» type of social action prevailed and the ability to associate was poorly developed, cooperative forms were exo-innovation. Organically fitting into the modernization processes, cooperation with its inherent functions of adaptation and integration contributed to socialization of economy, overcoming the society's socio-cultural split, accumulating social capital, expanding the sphere of non-state civil activities, becoming the effective factor of the Russian modernization. The prospects for studying cooperation are related to the interpretation of its essence and cooperative experience in the context of ideas about the diffusion of exo-innovations in the modernization course, «actor» approach, «civil society» concept, which allow inscribing the history of the cooperative movement into the complex conditions of modernization process.

*Key words:* cooperation, cooperative movement, civil society, «actor» approach, diffusionism, modernization, methodology.

### ВВЕДЕНИЕ

Кооперация в условиях социально-экономической трансформации России продолжает оставаться актуальным предметом исследования. Несмотря на

то, что кооперативный уклад, за исключением отдельных рудиментов в сельской местности, практически исчез, именно он в условиях формирования смешанной многоукладной экономики включает пре-

Галина Михайловна Запорожченко – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: galinakoop@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1237-0792>.

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS, e-mail: galinakoop@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1237-0792>.

образующий потенциал социальной самозащиты и самоуправления. Особый интерес вызывает кооперативное движение начала XX в., наиболее отвечавшее, как нам представляется, классическим принципам кооперации, таким как добровольность, демократичность, самодеятельность. Ретроспективные исследования опыта самоорганизации населения востребованы в России (где, как и во всей посткоммунистической Европе, «нет пышного цветения ассоциаций» [1, с. 171–174]), в русле более глобального вопроса о наличии и качественном состоянии современных субъектов современных процессов.

В течение двух последних столетий в обширной литературе разрабатывалась теория отдельных видов кооперации, общая теория кооперации, с разной степенью убедительности пропагандировались преимущества кооперации. В 2000-е гг., по неполным данным, по этой теме опубликовано более 400 работ, четверть из которых посвящена сибирской и дальневосточной кооперации [2, с. 414]. Однако единого методологического подхода к исследованию кооперации как социально-экономического уклада, как целостной научной концепции развития кооперативного движения не выработано. По справедливому замечанию О.М. Безгиной, в зависимости от того, какая роль отводилась кооперации в тот или иной исторический период, трансформировалось и определение ее сущности [3, с. 103].

Важным достижением исследований, начиная с конца 1980-х гг., стал отход от постулатов о буржуазной природе кооперации, коренном преобразовании старой кооперации советским партийно-государственным руководством, ограниченности ее «социалистического» характера и потенциала. В историографии начали формироваться новые, более глубокие комплексные подходы к анализу сущности кооперативного движения, а кооперативная тематика вошла в контекст более общих проблем отечественной истории – модернизации, альтернативности путей социально-экономического развития, специфики российского менталитета, что отразилось в работах Л.Е. Файна, А.П. Корелина, К.Е. Балдина, В.В. Кабанова, Ким Чан Чжина, А.В. Лубкова, Е.Ю. Болотовой, А.В. Соболева, М.И. Дударева, А.А. Вологодина, И.А. Кудинова, О.А. Липич, А.К. Гагиевой, С.Ю. Попова, О.А. Черникова, Е.В. Диановой, А.А. Николаева, В.М. Рынкава, Н.Ю. Пивоварова и др.

Кооперация как универсальный и многогранный феномен предполагает использование многообразных подходов к изучению ее деятельности в исторической динамике и перспективе. Активно разрабатывается исследовательская гипотеза о соответствии кооперативных форм социально-экономической деятельности функционированию институтов граждан-

ского общества. Данный аспект кооперативной проблематики относится к малоизученным. Цель статьи состоит в том, чтобы обозначить методологические предпосылки и новые исследовательские подходы для расширения представлений о потенциале кооперативных форм в этом направлении.

#### КООПЕРАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Выявление сущности кооперативных форм социально-экономической деятельности, создание целостной картины развития кооперативного движения целесообразно проводить на основе методологических принципов формационной, модернизационной и цивилизационной парадигм с учетом общих научных принципов познания – историзма, объективности, системности, комплексности.

Формационная теория К. Маркса, несмотря на известную схематизацию и обесцвечивание реальной действительности, дала непреходящую стратегию в исследовании социально-экономических процессов [4, с. 50]. Согласно марксовской теории *отчуждения*, капитализм заменяет феодальную систему личной зависимости системой вещных отношений, порождает отчуждение индивида от социальных благ во всех сферах человеческого бытия [5, с. 26–27]. Если Маркс рассматривал проблему снятия отчуждения в перспективе посредством упразднения частной собственности и перехода от капиталистической к социалистической формации, то М. Вебер был убежден, что улучшение положения класса наемных рабочих возможно уже при капитализме. В свете этого появление первых потребительских кооперативов в середине XIX в. означало начало социализации рыночной экономики, разрешения противоречий между работниками и предпринимателями в сфере обмена и потребления.

Со второй половины XX в. на изучение процесса ассоциирования оказали влияние интегрированная логика цивилизационного подхода, представленная в трудах А. Тойнби, О. Шпенглера, К. Ясперса, Н.Я. Данилевского и других, «культурный поворот» школы «Анналов», обусловившие переход от марксистских, формационных конструкторов, ставящих в центр внимания социально-экономические отношения, к феноменологической перспективе научного изучения «человека-в-истории», доминированию социокультурных интерпретаций глубинных, матричных структур локальных цивилизаций как надстранных культурно-исторических массивов, исследованию традиций, ценностей, стереотипов поведения, ментальных установок, моделей взаимоотношений власти и общества, мотивационных механизмов. Инновационное понимание культуры как всесторонней дескрипции, с по-

мощью которой описываются все стороны жизни общества, позволяет понимать, как культура действительно «работает» [6, с. 60; 7, с. 3].

В частности, установлено, что деятельность индивида в ассоциациях с культурно-исторической точки зрения обусловлена превалированием определенного нормативного типа личности. Если на Западе основой логического и аналитического стиля мышления является *целерациональная* парадигма (рациональное и четкое осознание цели, расчет способов достижения результата), то в России образный и синкретический стиль мышления нормативной личности базируется на *ценностно-рациональной* парадигме, где целью является само действие, основанное не на рациональном расчете, а на представлениях о высших ценностях – достоинстве, долге, морали, пиетете, красоте, религиозных заповедях [8, с. 145]. В связи с этим логично рассматривать кооперативные формы ассоциирования как социальное действие целерационального типа, включающее действующий субъект, потребность, детерминированную социальной средой, мотивацию, цель, метод, результат действия, других субъектов, с которыми возникает *социальная связь* и механизм её сознательного регулирования.

Актуальными для исследования кооперативных форм являются введенные Вебером в научный оборот термин «*социальное действие*» (осознанное, анализирующее информацию, согласованное с действиями других людей), и «*объясняющий*» («*интерпретирующий*») метод, благодаря которому распознается субъективный смысл действия, объясняющий, почему личность действует именно таким, а не другим образом. Традиции веберовской «*понимающей социологии*», исследующей механизмы адекватности взаимных интерпретаций и достижения взаимопонимания в процессе социальной коммуникации, продолжены в трудах Ю. Хабермаса, Т. Парсонса, П. Струве, Г. Зиммеля и других по изучению причин, цели, смысла происходящего с учетом вовлеченных в социальное действие индивидов [9, с. 28–62].

Продолжением веберовских исследований протестантской этики как «духа» капитализма стали разработки теории *социального капитала*. Дж. Коулман, Р. Патнем, П. Бурдьё, Л. Харрисон, Ф. Фукуяма определяли влияние культурных факторов на predisposition различных социумов к социальному, экономическому, политическому прогрессу, дополнив веберовский тезис «культура имеет значение» тезисом «культура объясняет почти все» [10, с. 11–12, 39]. «Социальный капитал» принят как термин, означающий способность людей ради реализации общей цели работать в коллективе, потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целенаправленно формируемый на основе межличностных отношений в общественных

организациях, в сетях гражданской вовлеченности [11, с. 26]. П. Бурдьё отмечал, что членство в группе является «базисом возможной солидарности», аккумулирующей дополнительную выгоду [12, с. 60–61]. Ф. Фукуяма и Р. Патнем связывали рост социального капитала с включенностью индивида в группу и эффектом доверия.

На социальный капитал мощное воздействие оказывает *культурный капитал*. На формирование культурного и социального капитала влияют типологически свойственные различным культурам экономическое и социальное поведение и ценности [13, с. 44–52]. Эмпирические исследования выявили, что индивидуалистические (протестантские) культуры породили существенно больший социальный капитал, чем коммунитаристские, общинные [13, с. 47]; что некоторым обществам присуща «спонтанная» способность создавать ассоциации, слабо сформированная в России [14, с. 48–51]; что качество развития регионов напрямую коррелирует с численностью гражданских организаций, начиная с местного уровня [15, с. 211], что социальный капитал, подобно другим видам капитала, продуктивен и незаменим при достижении определенных целей, тесно связан с построением демократии, гражданского общества [16, с. 124]. Таким образом, в свете разработок социокультурного направления ассоциирование предстает одновременно как фактор формирования и продукт социального капитала, обусловленного типом культуры, накопленного всем ходом развития данного социума.

Культурно-цивилизационный контекст определяет различные конфигурации протекающих в обществе модернизационных процессов. Адаптируя модернизационную парадигму к отечественной истории, В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, Н.М. Арсентьев, В.М. Арсентьев, Е.В. Анисимов, Л.И. Бородин, В.В. Керов, Г.Е. Корнилов, Б.Н. Миронов, И.В. Побережников, А.В. Сперанский, В.В. Шелохаев и многие другие исследователи установили, что цивилизационное своеобразие российской *этатистской* модернизации не исключает идущего «снизу», со стороны общества, становления новых форм деятельности, идей и ценностей, в том числе распространения кооперативных форм хозяйствования, генезиса элементов гражданского общества [17; 18 с. 6; 19, с. 189–193].

Теория *социокультурного раскола* А.С. Ахиезера, разработанная в духе модернизационной и цивилизационной парадигм, интерпретирует историю российского общества как социокультурный конфликт между логикой, основанной на традиции, складывавшейся с древних времен, с ориентацией на сохранение достигнутой эффективности общественно-го воспроизводства, и логикой, возникшей позднее как результат развития общества, с преобладанием

постоянного стремления повысить эффективность общественного воспроизводства посредством инноваций. Государство, пытающееся восполнить «разрывы» в социальной «ткани» административным нажимом, являлось слабым, наименее гибким интегратором [20, с. 3–41]. В свете этой теории правомерно рассматривать кооперативные формы как воплощение «второй» логики, олицетворявшей ростки той социальной органики, опираясь на которую, можно преодолеть социокультурный «раскол». В связи с этим закономерно раскрывать позитивное отношение кооперации к отторгаемым традиционным российским обществом утилитаризму, товарно-денежным отношениям, либеральным идеям и ценностям.

#### НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Российский модернизационный процесс, определяемый как «вторичный», происходил в условиях наличия зрелых моделей, апробированных в странах индустриально-рыночного производства, прямых контактов с ними. В свете этого существенное значение имеют исследования экзогенных факторов модернизационного перехода. Кооперация в России изначально являлась экзоинновацией, ее формы и принципы функционирования задавались образцами, импортируемыми из Европы. Методологической основой изучения российской кооперации может выступать концепция *диффузионизма*, основанная на идее распространения форм культуры из центра их выработки к периферии и культурного синтеза в ходе взаимодействия новаций с местными условиями [21, с. 23–44].

Двуединая общественно-экономическая природа нарождавшихся по всему миру кооперативов раскрыта в фундаментальной работе российско-американского исследователя И.В. Емельянова «Экономическая теория кооперации» [22, с. 51–77]. В противовес распространенной тенденции рассматривать кооперативы в качестве коллективных капиталистических предприятий автор доказал, что кооператив, не являясь ни предприятием, ни союзом людей, предстает как совокупность автономных хозяйств, объединившихся для достижения конкретных экономических целей. Сам по себе кооператив является экономической фикцией (в отличие от предприятия и акционерного общества). В силу своей совокупной (кооперативной) формы кооператив всего лишь отражает характер и устремления своих членов. Благодаря этому в деятельности кооперации экономические цели неизбежно дополняются общественными, социально-культурными. Уставные принципы представительства, выборов, подотчетности, коллегиальности способствуют преодолению индивидуально-утилитарного эгоизма пайщиков, созданию много-

численных возможностей для общения, образования, культурного досуга, попечительства, благотворительности.

Социореформистская миссия кооперации была особенно востребована в позднеимперской России с ее неразвитой общественной жизнью. Кооперация представляла собой единственное организованное массовое движение, способное объединить на добровольной основе все классы сословно разделенного российского общества. Вместе с тем, как показал Я. Коцонис на примере кредитной кооперации, влияние кооперативных форм на развитие гражданственности в условиях бюрократического, патриархально-охранительного воздействия российских властей было существенно ограничено: при наличии множества кооперативов в стране отсутствовали кооператоры в том смысле, что недостаточно динамично формировались такие их качества, как предприимчивость, сознательность, ответственность [23].

Более дифференцированная и комплексная проблематика модернизации, в отличие от формационного подхода, позволяет дополнить доминировавшее ранее социально-экономическое направление исследования кооперации актуальным для современного социума концептом «*гражданское общество*». Понятие «гражданское общество» служит центральной категорией для объяснения отношений государства и общества. Их фундаментальное противопоставление описывается в параметрах бинарных отношений принуждения – свободы, патронажа – самостоятельности, контроля – самоконтроля [24, с. 30]. Но, как отметил В. Хорос, гражданское общество не столько противостоит государству, сколько «формирует его в соответствии со своими ценностями и интересами» [25, с. 53]. Использование в исторических исследованиях категории «гражданское общество» имеет два основания: конкретно-историческое, заключающееся в факте существования в имперской России общественных структур, в которых воплощался импульс к формированию гражданского общества, и методологическое, актуализирующее эвристическое значение веберовского «идеального типа» в его аксиологическом измерении – как нормативной категории, структурирующей социальную активность [26, с. 3–4].

Потребительские кооперативы возможно рассматривать в качестве института гражданского общества благодаря тому, что в социальной системе они выполняют свойственный гражданскому обществу комплекс функций: *адаптации* (защита от внешних воздействий), *целедостижения* (снятие социальных напряжений на основе мирных консенсусных средств), *интеграции* (превращение граждан из объектов социальных воздействий и манипуляций в социальных субъектов) [27, с. 101–104].

В условиях поливариантности и бифуркационности общественного развития кооперация расширяет возможности населения в хозяйственной и социокультурной сферах, повышая его адаптацию к капиталистической системе и развертыванию модернизационных процессов [28, с. 399–401].

Методологической основой изучения элементов российского гражданского общества служит выделенная Н.А. Проскуряковой его идеальная модель, в соответствии с которой гражданское общество состоит из четырех основных элементов (подсистем): гражданские права, гражданские институты, гражданские практики, гражданские ценности [29, с. 194–196].

Кооперация вписывается в эту модель как устойчивая социальная практика и гражданский институт, способствующий социальной интеграции и формированию определенных гражданских ценностей. Как всякая общественная организация, она обладает характерными признаками, сформулированными А.С. Тумановой: негосударственный характер, выражающийся в независимом от властных структур осуществлении своих функций, добровольность входа и выхода, персональное фиксированное членство, юридическое равноправие членов, выборность руководства, некоммерческая цель, наличие штатного аппарата и внутренней структуры, самофинансирование как основа формирования бюджета [30, с. 14].

Таким образом, кооперативные формы ассоциирования предстают как целерациональный тип социального действия, в результате которого происходит образование социальных связей между индивидами, создание ассоциаций и устойчивых общественных институтов. Для традиционного российского общества, где превалировал ценностно-рациональный тип социального действия и способность к ассоциированию была слабо развита, кооперативные формы являлись экзотической инновацией. Органично вписываясь в модернизационные процессы, кооперация с присущими ей функциями адаптации и интеграции способствовала социализации экономики, преодолению социокультурного раскола общества, накоплению социального капитала, развитию сферы негосударственной гражданской деятельности, становясь действенным фактором российской модернизации [31, с. 39].

Проблемы движущих сил российской модернизации (соотношение этатистских импульсов и низовых спонтанных потоков, роли отдельных социальных слоев) остаются недостаточно изученными, дискуссионными [32, с. 21]. В настоящее время модернизационная перспектива успешно совмещается с *акторными* подходами в социогуманитарных исследованиях (Н. Элиас, Т. Пиирайнен, Г. Тёрборн, Ч. Тилли, Т. Скокпол, М. Манн и др.). С учетом ре-

зультатов их апробации И.В. Побережников обосновал новый методологический «акторный» подход к анализу российской модернизации имперского периода, предполагающий выявление роли основных ее акторов, эволюции акторных структур, реконструкцию модернизационных стратегий акторов [33]. Под актором подразумевается индивид, группа лиц, социальная страта, организационная структура, предприятие, общественное движение – все участники исторического события или процесса, независимо от степени их рефлексивной включенности в него. Понятие «актор» дополняется понятием «агент», означающим выразителя, сознательного или невольного проводника норм и ценностей определенной социальной системы. Данный подход в соответствии с общемировыми трендами ориентирован на социальный «акционизм»; он раскрывает активную роль различных субъектов модернизации (помимо главного дирижера, каким выступало государство), обусловленность действий акторов их историческим социальным опытом, предусматривает многолинейность, альтернативность и циклизм как следствие пересечения в социальной реальности разнообразных интересов, мотивов, стратегий.

«В русле данного подхода, – отмечает И.В. Побережников, – эвристическую ценность приобретает изучение готовности человеческих ресурсов страны в целом к модернизационным преобразованиям на основе анализа уровня образованности, качества жизни, адаптационных возможностей и т. д., что представляется попыткой взглянуть на модернизацию как бы изнутри, с позиций оценивания способности и готовности населения поддерживать модернизационные мероприятия, с точки зрения установления степени соответствия модернизационного пути ожиданиям и запросам населения, от чего во многом и зависят перспективы развития страны вообще» [34, с. 29]. Акторный подход успешно апробирован коллективом историков Института истории и археологии УрО РАН в изучении органов управления, самоуправления, общественных организаций, профессиональных обществ, партий в Уральском регионе в XVIII – начале XX в., что позволило получить более четкий образ модернизирующегося общества [34].

Кооперативное движение пока не стало предметом данной исследовательской оптики. Между тем многие историки (Е.Ю. Болотова, О.А. Безгина, Т.Ю. Быковец, Н.В. Воробьев, Н.Л. Габриель, А.К. Гагиева, Е.В. Дианова, Г.М. Запороженченко, Б.В. Кевбрин, Л.В. Туманова и др.) выделяют отчетливый вектор кооперативного культуртрегерства, раскрывают тесную связь и взаимообусловленность хозяйственно-экономической и социально-культурной сфер кооперативной деятельности (просветитель-

ской, образовательной, библиотечной, издательской, благотворительной, досуговой, бытовой, медицинской). В данном направлении целесообразно использовать методологический арсенал активно развиваемых сегодня направлений – новой культурной истории, микроистории, локальной истории, исторической антропологии, приближенных к дискурсу «повседневности», в рамках которого возможен продуктивный анализ усвоения современных принципов на уровне мышления, ментальности.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, перспективы изучения кооперации связаны с интерпретацией ее сущности, накопленного опыта в рамках модернизационной и цивилизационной парадигм, теории диффузионизма, акторного подхода, концепта «гражданское общество», позволяющих «вписывать» историю кооперативного движения в сложные контекстуальные условия модернизационных процессов, кроме того, выявлять универсальные и специфические черты кооперации как актора, агента модернизации на локальном и общестрановом уровнях, раскрывать процесс разработки кооперацией способов увеличения имеющихся в ее распоряжении ресурсов, преобразования их в реальные современные возможности.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ховард М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2009. 191 с.
2. *Болотова Е.Ю.* Кооперативное движение конца XIX – начала XX века в трудах историков 2000-х годов: проблемное поле исследований // Земля и Власть в истории России: сб. науч. ст. участников Всерос. науч. конф. памяти профессоров А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Шагина. Москва, МПГУ, 11–12 декабря 2018 г. / под общ. ред. А. В. Лубкова. М.: МПГУ, 2020. С. 409–418.
3. *Безгина О.М.* Кооперативное движение Поволжья в конце XIX – начале XX века: взаимодействие власти и общества: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2019. 430 с.
4. *Могильницкий Б.Г.* Историческая наука в прошлом и настоящем // История и историки в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2013.
5. *Губман Б.Л.* Смысл истории. Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.
6. *Побережников И.В.* Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 55–65.
7. *Ретина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ВШЭ, 2003. 44 с.
8. «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2010. № 1. С. 131–166.
9. *Гайденок П., Давыдов Ю.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. 367 с.
10. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу: кол. моногр. / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. школа политических исследований, 2002. 320 с.
11. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: Изд-во АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
12. *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–75.
13. *Харрисон Л.* Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультуризма / пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2014. 286 с.
14. *Подменик Д.* Социальный капитал в европейских исследованиях // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 48–51.
15. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: гражданские традиции современной Италии. М.: ADMarginem, 1996. 286 с.
16. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
17. Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 246 с.
18. *Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г.Н.* Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: РосПЭН, 2007. С. 9–34.
19. *Проскурякова Н.А.* Проблема формирования гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. в социально-политическом и социокультурном контексте // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М.: РИПО, 2007. 256 с. С. 188–200.
20. *Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / Вступ. ст. С.Я. Матвеевой. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 805 с.
21. Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX века) / отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 405 с. С. 23–44.
22. *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций / пер. с англ. А.С. Педерина, С.А. Пахомчика. Тюмень: ТОГИРО, 2005. 304 с.
23. *Kotsonis Y.* Making peasants backward: Agricultural cooperatives at the agrarian question in Russia, 1861–1914. N.Y.: St. Martin's press, 1999. 245 p.
24. *Соловьев А.И.* Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6. С. 29–38.
25. *Хорос В.Г.* Гражданское общество: общие подходы // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 11. С. 49–59.
26. *Проскурякова Н.А.* Концепт «гражданское общество» и историки: препринт WP 19/2012/01. Серия WP 19: Исторические исследования. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 40 с.
27. *Романенко Л.М.* Гражданское общество: социол. словарь-справочник. М.: Изд. Ин-та социологии РАН, 1995. 114 с.
28. *Корель Л.В.* Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
29. *Проскурякова Н.А.* Проблема формирования гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. в социально-политическом и социокультурном контексте // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М.: РИПО, 2007. 256 с. С. 188–200.
30. *Туманова А.С.* Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций в России в начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 34 с.
31. *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация Сибири в процессе модернизационного перехода. 1890-е – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2016. 494 с.
32. *Побережников И.В.* Акторы российской имперской модернизации: проблемы и перспективы исследования // Ур. ист. вестн. 2015. № 4(49). С. 16–25.

33. Побережников И.В. Актеры российской имперской модернизации: постановка проблемы // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2014. Т. 1. 650 с. С. 31–41.

34. Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 318 с.

# REFERENCE

1. Hovard M. The weakness of civil society in post-Communist Europe. Moscow, 2009, 191 p. (In Russ.)

2. Bolotova E.Y. The cooperative movement of the Late XIX–early XX century in the Works of Historians of the 2000s: the problematic field of a research. *Zemlya i Vlast' v istorii Rossii*. Moscow, 2020, pp. 409–418 (In Russ.)

3. Bezgina O.M. The cooperative movement of the Volga region at the end of the XIX – beginning of the XX century: interaction of power and society. Samara, 2019, 430 p. (In Russ.)

4. Mogilnitsky B.G. Historical science in the past and present. *Istoriya i istoriki v proshlom i nastoyashchem*. Moscow, 2013. (In Russ.)

5. Gubman B.L. The meaning of history. Essays on Modern Western Concepts. Moscow, 1991, 192 p. (In Russ.)

6. Poberezhnikov I.V. Levels of modernization study: world, civilizational, country, regional, local (theoretical aspects). *Tsivilizatsionnoye svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy*. Ekaterinburg, 2009, pp. 55–65. (In Russ.)

7. Repina L.P. Cultural memory and problems of historiography (historiographical notes). Moscow, 2003, 44 p. (In Russ.)

8. «Round table» based on the book by O.M. Medushevskaya «Theory and methodology of cognitive history». *Rossiyskaya istoriya*. 2010, № 1, pp. 131–166. (In Russ.)

9. Gaydenko P., Davydov Y. History and rationality. Max Weber's sociology and the Weber Renaissance. Moscow, 1991, 367 p. (In Russ.)

10. Harrison L., Huntington S. (eds.) *Culture matters. How values contribute to social progress*. Moscow, 2002, 320 p. (In Russ.)

11. Fukuyama F. *Trust: social virtues and the path to prosperity*. Moscow, AST, 2004, 730 p. (In Russ.)

12. Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2002, no. 5, pp. 60–75. (In Russ.)

13. Harrison L. Jews, Confucians, and Protestants: cultural capital and the end of multiculturalism. Moscow, Mysl', 2014, 286 p. (In Russ.)

14. Podmenik D. Social capital in European studies. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2010, no. 11, pp. 48–51. (In Russ.)

15. Patnem R. To make democracy work: civil traditions of modern Italy. Moscow, 1996, 286 p. (In Russ.)

16. Koulman J. Social and human capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2001, no. 3, pp. 122–139. (In Russ.)

17. Alekseev V.V. (ed.) The experience of Russian modernizations. The XVIII–XX centuries. Moscow, 2000, 246 p. (In Russ.)

18. Pietrov-Ennker B., Ulyanova G.N. Modernization, civil society and civil identity: on the book concept. *Grazhdanskaya identichnost' i sfera grazhdanskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy imperii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka*. Moscow, 2007, pp. 9–34. (In Russ.)

19. Proskuryakova N.A. The problem of the civil society formation in Russia in the second half of the XIX – early XX century in the socio-political and socio-cultural context. *Oktyabr' 1917 goda: vzglyad iz XXI veka*. Moscow, 2007, pp. 188–200. (In Russ.)

20. Akhiezer A.S. Russia: critique of historical experience (socio-cultural dynamics of Russia). Novosibirsk, 1997, vol. 1, 805 p. (In Russ.)

21. Alekseeva E.V. Diffusion of technologies, social institutions and cultural values in the Urals (the XVIII – early XX century). Ekaterinburg, 2011, 405 p. (In Russ.)

22. Emelyanov I.V. Economic theory of cooperation. Economic structure of cooperative organizations. Tyumen, 2005, 304 p. (In Russ.)

23. Kotsonis Y. How the peasants were made backward. Agricultural cooperatives and the agrarian question in Russia in 1861 – 1914. N.Y., St. Martin's press, 1999, 245 p.

24. Solovyov A.I. Three images of the state – three strategies of civil society. *Polis*, 1996, no. 6, pp. 29–38. (In Russ.)

25. Khoros V.G. Civil society: general approaches. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1995, no. 11, pp. 49–59. (In Russ.)

26. Proskuryakova N.A. The concept of «civil society» and historians. Moscow, 2012, 40 p. (In Russ.)

27. Romanenko L.M. Civil society: a sociological dictionary-reference book. Moscow, 1995, 114 p. (In Russ.)

28. Korel L.V. Sociology of adaptations: issues of theory, methodology and method. Novosibirsk, Nauka, 2005, 424 p. (In Russ.)

29. Proskuryakova N.A. The problem of forming the civil society in Russia in the second half of the XIX – early XX century in the socio-political and socio-cultural context. *Oktyabr' 1917 goda: vzglyad iz XXI veka*. Moscow, 2007, pp. 188–200. (In Russ.)

30. Tumanova A.S. State-legal regulation of the public organization activities in Russia at the early XX century: diss. abstr. Moscow, 2003. 34 p. (In Russ.)

31. Zaporozhchenko G.M. Urban consumer cooperation in Siberia in the process of modernization transition. 1890s – February 1917. Novosibirsk, 2016, 494 p. (In Russ.)

32. Poberezhnikov I.V. Actors of the Russian Imperial modernization: research problems and prospects. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2015, no. 4, pp. 16–25. (In Russ.)

33. Poberezhnikov I.V. Actors of Russian Imperial Modernization (XVIII–early XX centuries): regional dimension. *Ural industrial'nyy. Bakunin readings: industrial modernization of the Urals in the XVIII – XXI centuries*. Ekaterinburg, 2014, vol. 1, pp. 31–41. (In Russ.)

34. Poberezhnikov I.V. (ed.) Actors of Russian Imperial Modernization (XVIII–early XX centuries): regional dimension. Ekaterinburg, 2016, 318 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.03.2021

Дата рецензирования 28.03.2021

Статья принята к публикации 30.04.2021